

В. Д. Михайлов

Экзистенциально-аксиологическое содержание идеи свободы в интеллектуальной культуре Великого Княжества Литовского

Анализируется интерпретация свободы в интеллектуальной культуре Великого Княжества Литовского (ВКЛ). Исследование интеллектуальной культуры – актуальное направление в современной гуманитаристике (истории, философии, культурологии, педагогике). Продуктом развития интеллектуальной культуры ВКЛ явились блестящие идеи и аналитические разработки, в том числе и о проблеме свободы, которую мыслители ВКЛ рассматривали в экзистенциально-аксиологическом аспекте.

Проблема понимания свободы в интеллектуальной культуре ВКЛ не являлась предметом специального исследования (рассматривался только социально-политический аспект ее трактовки, что оставляет вне сферы рассмотрения многие другие аспекты интерпретации свободы в интеллектуальной культуре данного периода: экзистенциально-аксиологический, антропологический, религиозно-конфессиональный и др.). Доступные источники исчерпываются на сегодняшний день только следующими материалами: И. В. Саверченко рассматривал в целом специфику публицистической литературы ВКЛ, а также правовые и юридические аспекты свободы в понимании белорусских публицистов [6; 7]; С. А. Подокшин анализировал социально-политическую мысль ВКЛ в отдельных главах своих работ [4]; С. Ф. Сокол и другие авторы также касались этой проблематики, однако только эпизодически [9]. Поэтому эмпирическим базисом исследования выступили тексты Сымона Будного, Льва Сапеги, Франциска Скорины, Андрея Волана и других белорусских мыслителей эпохи ВКЛ, что объясняет достаточно большое количество цитат в тексте статьи, необходимых для сопоставительного анализа взглядов разных авторов.

В ВКЛ в XVI–XVIII вв. белорусская интеллектуальная культура вобрала в себя идеи античной философии, христианской теологии, гуманистической мысли эпохи Возрождения и рационалистического подхода эпохи Просвещения. Результатом синтеза этих идей стало появление собственного подхода к пониманию значимых в то время аксиологических парадигм, из которых одной из важнейших являлась идея свободы.

Свобода понималась философами, в том числе белорусскими, как важнейшая экзистенциальная характеристика человека, которая выделяет его из всей живой природы. Идея свободы по-своему отражена во взглядах древнеримских мыслителей. Так, поэт Овидий подчеркивал,

что «чувство свободы присуще даже маленьким птицам» и нет ничего удивительного, «что и человек, существо наиболее совершенное и наиболее свободное из всех, созданных Богом, с большой уверенностью стремится к свободе». А известный оратор и философ Цицерон утверждал, что «рабу не нужна жизнь, которая не имеет никакого достоинства» [2, с. 14–15] (то есть свободы. – В. М.).

Кирилл Транквилион-Ставровецкий, автор «Евангелия Учительного», которого православное духовенство осудило за еретические высказывания, подчеркивал, что человек отличается от всех живых существ тем, что он имеет власть над всем видимым природным миром, и что никто кроме Бога не может ограничивать человеческую власть над миром и, следовательно, его свободу: «Вот так к готовому жилью приводит Бог человека из небытия в бытие. И как привел в дом этого мира, приказал всем созданиям, чтобы служили и поклонялись человеку как царю. <...> Всякое творение – на земле и в море, в воздухе и на высоте – Бог сотворил для нужд человека» [5, с. 360–361].

Апеллируя к истории творения мира и христианскому учению о богоподобии человека, Симон Будный говорил, что первые люди (Адам и Ева) были созданы свободными, и это свойство осталось в природе каждого человека: «Человек был создан бессмертным, разумным, святым и праведным, а к тому же и самовластным. Такими нас задумал наш небесный Отец, и мы такими должны быть» [цит. по: 7, с. 121].

Андрей Волан, политический деятель и философ, в своих сочинениях («Пять писем против Скарги», «Рассуждения в письме», «Аб грамадзянскай, або палітычнай свабодзе») доказывал, что свобода является врожденным свойством человеческой природы: «все люди рождены вольными существами и вольны поступать так, как им подсказывает совесть» [цит. по: 5, с. 60]; «из всех земных вещей нет ничего более ценного, чем свобода. И недаром часто случалось так, что люди скорее выбирали смерть, чем жизнь в рабстве» [2, с. 13]. Высоко оценивая свободу как общечеловеческую ценность, Андрей Волан писал: «Все разумные люди высоко ценили свободу. <...> Природа наделила человеческий род величайшими ценностями. Но думаю, наибольшей ценностью, пожалуй, является свобода» [2, с. 12–13]. Мыслитель доказывал естественный врожденный характер человеческой свободы посредством аналогии с природным миром: «Мы повсеместно убеждаемся: животные природой созданы так, что всегда жаждут свободы. Им больше нравится добывать еду на свободе, чем иметь ее готовую, но в неволе» [2, с. 14–15].

Некоторые гуманистические идеи А. Волана нашли свое отражение и были закреплены в нормах Статута ВКЛ 1588 г.

* Цитаты из трактата А. Волана «Аб грамадзянскай, або палітычнай свабодзе» (1572) приводятся в переводе автора статьи.

В предисловии к Статуту 1588 г. Лев Сапега провозглашал принцип свободы высшей ценностью: «Во все века мудрые люди отмечали, что в каждом государстве для достойных граждан наиболее дорогой вещью является свобода» [5, с. 216]. Также он отмечал возможность борьбы за свою свободу любыми средствами: «Мудрецы разных времен считали, что в каждом государстве приличному человеку дороже всего на свете его свобода. Неволье же является настолько отвратительной, что от нее необходимо избавляться всеми средствами» [1, с. 54].

Мелетий Смотрицкий считал, что свобода предначертана человеку от его рождения Богом и что человек имеет право на выбор своей свободы. В своей «Супликации на имя пресвященнейшего и светлейшего Сената Польской Короны и Великого Княжества Литовского» он писал: «Наша милая родина нам дорога, а ее свобода еще дороже» [3, с. 179].

Николай Гусовский в «Песне о зубре» также писал о высоком значении свободы: «Бог упаси, если нас победят пришельцы, / Уж лучше смерть нам всем неизбежная, чем такая / Доля – жизнь зависимая в черной неволе» [1, с. 38].

Один из важнейших вопросов в интерпретации свободы мыслителями ВКЛ был связан с границами человеческой свободы. Белорусские гуманисты и просветители XVI–XVIII вв. пытались определить ряд факторов, способных ограничивать возможности человеческой свободы.

В то время в интеллектуальной культуре была широко распространена концепция провиденциализма, то есть идея о предопределенности человеческой жизни, абсолютной зависимости личности от Бога. В соответствии с этим необходимо было ответить: выбирает ли человек свою судьбу самостоятельно, в зависимости от собственных моральных склонностей, или человек является марионеткой в руках Бога и выполняет предначертанный Богом замысел.

Например, Лаврентий Зизаний в «Толковании молитвы» говорил о том, что для христианина свобода как способность самостоятельно принимать решения – не нужна. Он указывал, что идеал свободы выражен в первом стихе «Отче Наш»: «Да будет воля твоя, яко на небеси и на земли. О двух вещах здесь просим. Во-первых, чтобы нам дал Бог по воле своей все добродетели творить. <...> А во-вторых, чтобы не только в нас самих, но и на всем свете воля его святая выполнялась, а лесь еретическая и злость греховная чтобы была до конца искоренена» [5, с. 223]. А в своем «Катехизисе» он говорил, по сути, о духовном детерминизме: «Бог есть первейшая причина. Без Его воли и волос с головы не упадет. Дьявол и этот мир – инструменты Божьи. Они разрешены Богом, чтобы набожных и добросовестных людей испытывать. Бог пределы им устанавливает, какие они переступить не могут» [цит. по: 10, с. 260].

Белорусский богослов Афанасий Филиппович в «Истории московской об иконе Пресвятой Богородицы» указывает на невозможность

свободы человека вне единения с Богом: «Господь наш Иисус Христос есть Устроитель всего на свете. Как говорит мудрец: “В руке Его и мы, и слова наши, и мудрости, и искусства, и наказание”» [5, с. 316].

Юзеф Доманевский в поэме «Жизнь сельская и городская» рассуждал таким образом, что если миром и судьбами управляет Божественная воля, то человек поступает в жизни так, как ему диктует Божественная необходимость, или «неволя». Но при этом человек не подчиняется божественной предопределенности, воле, так как фортуна способствует только активному человеку. По мнению Юзефа Доманевского, есть моменты предопределенности судьбы в человеческой жизни, но они не могут парализовать свободную волю, сковывать энергию, ограничивать активность человека. В поэме «Предостережение тем, кто много говорит и ничего не делает» он приводит пример героя из народной притчи, который, увидев спящего зайца, полагает: вот поймаю зайца и продам – куплю курицу, продам курицу – куплю корову и т. д. Между тем заяц просыпается, убегает, а человек остается ни с чем [цит. по: 4, с. 145].

Противоположной позиции придерживался белорусский писатель, теолог Сильвестр Косов, который доказывал, что человек рождается свободным и только от его личных качеств зависит выбор жизненного пути: «Мы, православные, держались и держимся того, что всемогущий Бог, создатель первого человека, и сейчас дает его потомкам все возможности спастись. Если же кто-то выбирает другой путь, то это не Божий промысел, а результат выбора свободной воли каждого конкретного человека» [цит. по: 7, с. 124].

По мнению гуманиста и просветителя ВКЛ Сымона Будного, человек несвободен уже тогда, когда его душа подчинена земным вещам: «Ибо кто на кого имеет надежду, тот и есть его Бог. Например, если кто полагается на богатства, то значит, их себе на место Бога поставил» [5, с. 176]. В «Катехизисе...» Сымон Будный утверждал идею свободы человека как свидетельства «образа Бога»: «Прежде всего приказывает, чтобы ценили Божий образ, то есть – каждого человека. Ибо человек создан по образу Божьему» [5, с. 179].

Важным экзистенциальным аспектом, ограничивающим человеческую свободу, было представление о том, что человек грешен телом, и достичь свободы можно только посредством души. Свобода, по мнению ряда мыслителей ВКЛ, осуществляется в контроле бессмертной души над привязанной ко всему земному телесностью.

Предисловие Франциска Скорины к «Первому соборному посланию святого апостола Иоанна Богослова» содержит его философские взгляды, что человек не может быть свободным от телесных потребностей и желаний этого мира: «...мы не сможем в этом мире иметь покоя, если не избавимся от плотских желаний. Чрезмерное увлечение этим миром уводит нас от Божьей милости» [8, с. 73]. В предисловии к «Третьему

соборному посланію святога апостола Іоанна Богаслова» он пісал: «Когда мы osvobozhdamся от грехов, то действуем на пользу свободы и правды. Если же мы osvobozhdamся от истины, то работаем ради умножения грехов» [8, с. 79]. Таким образом, по его мнению, грехи ослабляют человека, дают силы его врагам. Во «Второзаконии» Франциск Скорина рассуждает об изменениях, которые происходят с человеком после грехопадения: «От начала века, когда Бог создал первого человека, написал этот закон в его сердце. Поэтому Адам и Ева, прародители наши, осознали свой грех, что не послушали создателя своего, и скрылись от глаз Бога среди райских деревьев. Каин также смог осознать свой грех, что убил брата своего Авеля, потому что сказал: “Беззаконие мое велико, чтобы о милосердии молить” (Быт. 4:13). Таким же образом и теперь каждый отдельный человек, имеющий ум, познает, что непослушание, убийство, неволя, <...> зависть и тому подобное – есть зло. Ведь никто не хочет получать таких вещей от других» [8, с. 58].

Лаврентий Зизаний в «Катехизисе» указывает на необходимость сдерживания телесной страстности, цитируя апостола Павла: «И апостол Павел говорит: “Братья, обязаны не плоти, ибо не благодаря ей живем. Если будете ради тела жить – умрете! Но если духом дела тела уничтожите – будете жить”» [цит. по: 10, с. 260–261]. Л. Зизаний отстаивал точку зрения, что душа проявляется в действиях ума и воли человека, в соответствии с чем ей присуща свобода воли, способность выбирать добро и зло, нести ответственность за свои поступки.

Андрей Волян, рассуждая о свободе, указывал, что она должна быть ограниченной, так как есть «врожденные свойства» человеческой личности (честолюбие и алчность), которые могут превратить свободу в свою противоположность: «Но ниоткуда так не грозит человеку опасность тягостного рабства, как от самого же человека. Как только это животное утрачивает всякую порядочность и скромность, оно вскоре становится высокомерным и надменным, алчным и жестоким. Оно стремится к власти с такой наглостью, что видит себя счастливым, только когда держит других в неволе» [2, с. 16]. Андрей Волян, переосмысливая позицию Церкви о том, что неволя есть наказание Богом людей за их грехи, считал главной причиной неволи дурные человеческие страсти: «Лакомство и жажда господства – плоды испорченной природы – войны между людьми породили, за которыми злая неволя, как тень, за телом своим ходила. Хотя и кроме войны, несчастная бедность к этому состоянию некоторых привела... или недостойный и злостный какой-либо поступок» [цит. по: 9, с. 77]. Он подчеркивал, что «необузданная безнравственность человека является главной причиной рабства» [2, с. 17]. Он писал о необходимости аскетичности и добрых поступков, которые только и способны дать полную свободу: «Так пусть же будут как можно дальше неразумные устремления тех, для кого свобода – это необузданная сво-

бода делать все, что захочешь. Свобода всегда имеет целью благородные поступки и всегда сочетается с положительным образом мышления» [2, с. 18].

На подчиненное положение тела по отношению к душе указывал Кирилл Транквиллион-Ставровецкий. Он учил, что человеческий разум и его воля являются свободными не от Божественного предначертания, а от собственного выбора человека, от «самовластия» и «благоразумия» зависят его действия и судьба [5, с. 364]. В 1618 г. он опубликовал «Зерцало Богословия», где изложил учение о четырех мирах, о Божественных дарах, данных людям самим Богом: самовластие души и способность человека к свободному выбору между добром и злом. Земное тело он рассматривал как оболочку бессмертной и вечной души, которая создана для жизни в надежде на Божественную благодать и в смирении, а не в возношении и гордости: «Однако не знаю, как могут избежать взаимной войны: восстает душа на тело и тело воюет с душой. Для тела нижнюю сторону люблю, где грех царствует. Душой же жажду небесного Отечества» [5, с. 364]. Человек как единство двух противоположных сущностей, по Кириллу Транквиллиону-Ставровецкому, имеет право постигать и красоту мира, и земные радости.

В «Катехизисе...» Симон Будный указывает значение духовных законов для обретения свободы от греховности: «Вопрос. Для чего Господь Бог дал закон, или заповеди свои? Ответ. Чтобы каждый знал, что есть грех, а что – хорошее дело. Так святой апостол пишет: “Я не иначе узнал грех, как посредством закона” (Рим. 7:7). А в другом месте говорит: “Ибо законом познается грех” (Рим. 3:20)» [5, с. 176].

Таким образом, проведенное сопоставление взглядов мыслителей ВКЛ на идею свободы позволило сделать следующий вывод. Трактовка свободы в рамках экзистенциально-аксиологической версии является достаточно вариативной, белорусские мыслители исследуемого периода рассматривали ее в различных аспектах. Однако доминирующим был экзистенциально-аксиологический подход, в рамках которого в творчестве белорусских мыслителей традиционная христианская трактовка свободы соединялась с западноевропейским рационализмом Просвещения.

1. Беларуская літаратура : хрэстаматыя / склад. : У. В. Адамчык, М. В. Адамчык. – Мінск : Сучасны літаратар, 2004. – 1007 с.

2. *Волян, А.* Аб грамадзянскай, або палітычнай свабодзе / А. Волян ; пер. з лац. У. Шатона. – Мінск : Зміцер Колас, 2009. – 142 с.

3. Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии : избр. произведения XVI – нач. XIX в. / Акад. наук Беларус. ССР, Ин-т философии ; под ред. В. А. Сербента. – Минск : Изд. АН БССР, 1962. – 524 с.

4. *Падокшын, С. А.* Філасофская думка эпохі Адраджэння ў Беларусі: ад Францыска Скарыны да Сімяона Полацкага / С. А. Падокшын. – Мінск : Навука і тэхніка, 1990. – 285 с.

5. Памятнікі літаратуры Беларусі X–XVIII веков / сост., лит. обраб. текста, пер. на рус. яз. И. В. Саверченко. – Минск : Беларус. энцыкл., 2013. – 464 с.

6. Саверчанка, І. В. Aurea mediocritas. Кніжна-пісьмовая культура Беларусі: Адраджэнне і ранняе барока / І. В. Саверчанка. – Мінск : Тэхналогія, 1998. – 319 с.

7. Саверчанка, І. В. Паэтыка і семіётыка публіцыстычнай літаратуры Беларусі XVI–XVII стст. / І. В. Саверчанка. – Мінск : Беларус. навука, 2012. – 463 с.

8. Скарына, Ф. Выбраныя творы / Ф. Скарына ; уклад., прадм. І. В. Саверчанкі. – Мінск : Беларус. навука, 2008. – 110 с.

9. Сокол, С. Ф. Политическая и правовая мысль в Белоруссии XVI – первой половины XVII в. / С. Ф. Сокол. – Минск : Наука и техника, 1984. – 188 с.

10. Старажытная беларуская літаратура (XII–XVII стст.) / уклад., прадм. і камент. І. Саверчанкі. – Мінск : Кнігазбор, 2007. – 608 с.

V. Mikhailov

Existential and axiological contents of the idea of freedom in the intellectual culture of the Grand Duchy of Lithuania

This article analyzes the interpretation of freedom in the intellectual culture of the Grand Duchy of Lithuania. The research of intellectual culture is the actual direction in the modern humanities – history, philosophy, cultural studies, and pedagogy. The intellectual culture of the Grand Duchy of Lithuania of the XVI–XVIII centuries has produced brilliant ideas and analytical systems, including those related to the problem of freedom which was considered in the existential and axiological aspects by thinkers of the Grand Duchy of Lithuania.

Дата паступлення артыкула ў рэдакцыю: 04.04.2016.